

Белешке о књигама

Notes on Books

М. Ю. Сидорова, *Грамматика художественного текста*. М., 2000, 416 с.

403

Монография демонстрирует возможности сочетания регистровой теории с теми представлениями о художественном тексте, которые выработаны в современном литературоведении и некоторых философских концепциях. На основе такого подхода к анализу художественного произведения в книге сформулированы следующие утверждения: 1) текст – это реализация языковой системы, способ ее существования, воплощение замысла автора, адекватно выполняющая коммуникативную функцию знаковая модель действительности; 2) грамматика художественных текстов характеризуется общими с грамматикой текстов других типов свойствами и специфическими, которые связаны с функцией «художественности»; 3) между литературоведческими категориями жанр, сюжет,

система персонажей и традиционно находящимся в ведении лингвистики уровнем языковых средств построения текста лежит уровень общих текстообразующих принципов; 4) важнейшей характеристикой поэтического текста является суггестивное воздействие; 5) будучи использованным в художественном тексте, каждое языковое средство, оставаясь элементом языковой системы, становится элементом и другой системы – данного текста. В монографии представлены научные перспективы для грамматики текста идеи литературной теории XX века.

Книга будет интересна филологам, занимающимся изучением художественного текста и интересующимся возможностями применения и развития теории коммуникативных регистров.

Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, А. А. Васильева и др., *Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль* / Под ред проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2001, 331 с.

Авторы разрабатывают проблему идиостиля в новом коммуникативно-деятельностном аспекте на основе трех направлений коммуникативной стилистики текста: теории регулятивности, теории текстовых ассоциаций и смыслового раз-

вертывания с учетом специфики лексической структуры поэтических текстов. В книге по-новому трактуется ключевое понятие коммуникативной стилистики – идиостиль как многоаспектное и многоуровневое отражение языковой

СИСТЕМА 2002

личности творца, «стоящей» за текстом, с учетом ее многообразных проявлений в процессе текстовой деятельности, включая ориентацию на адресата. Авторами установлено, что в тексте как результате текстообразующей деятельности отражаются не только лексикон, семантикон и грамматикон, но и информационный тезаурус, мир ассоциаций, а также цели и мотивы. Проведенное исследование показывает, что регулятивность художественного текста опреде-

ляется регулятивной стратегией автора, в соответствии с которой производится отбор и особая организация регулятивных средств разных уровней. Предложенная авторами новая методика выявления специфики идиостиля на основе коммуникативно-деятельностного подхода к тексту позволяет с совершенно иных позиций судить о стиле автора и открывает новые возможности в изучении текстовой деятельности автора и адресата.

М. Я. Дымарский, *Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.)*. М.: Эдиториал УРСС, 2001, 328 с.

Монография посвящена теоретическим основам русского текстообразования (грамматики текста) и проблеме изучения художественного текста.

В работе обосновывается отличие текста не только от знака, но и от дискурса, дается развернутое описание системы единиц текстообразования, а также наивысшего уровня структуры текста – его сверхфразовой организации. При этом под единицами текстообразования понимаются устоявшиеся в данной культурно-письменной традиции формы языкового воплощения структурных компонентов авторского замысла – концептуально значимых смыслов, а

под сверхфразовой организацией текста – средство транспозиции логической, событийной, мотивной и субъектно-объектной структур текста на синтагматическую ось. Применение выработанного понятийного аппарата к художественному тексту открывает широкие возможности его содержательной интерпретации. Автор утверждает, что при анализе любого текста должна учитываться особая лингвистическая категория – дейктический модус текста.

Книга адресована специалистам по лингвистике и философии текста, стилистике, общему языкознанию, литературоведению и смежным дисциплинам.

Н. Б. Руженцева, *Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века*. Екатеринбург, 2001, 312 с.

Монография посвящена малоисследованному жанру – литературно-критическому эссе. В книге предпринята попытка выявить некоторые постоянные признаки прагматической рамки литературно-критического эссе по факторам субъек-

кта и адресата, а также сформулировать выводы по поводу организации его жанровой модели. Автором приводятся наблюдения, касающиеся разграничения критической статьи и литературно-критического эссе, и делается вывод

об особой роли категории намеренности при создании этого интереснейшего жанра. Попытка осветить все эти вопросы в лингвистическом отношении предпринимается в российской науке впервые.

Книга состоит из четырех глав. В первой главе дается определение жанра эссе, описываются его существенные признаки, а именно свободная композиция, индивидуальная позиция и подчеркнутая субъективность автора, необщепринятость трактовки и др. Вторая глава отражает особенности русского литературно-критического эссе начала XX века, в частности эссе таких мастеров художественного слова, как И. Анненский, Ю. Айхенвальд, М. Волошин. В третьей главе на примере литературно-критических произведений В. Набокова показан особый тип автора, присутствующий литературно-критическому эссе русского зарубежья, – личность, обла-

дающая сознанием, открытым для контакта со «своим», концепированным адресатом, человек высочайшей духовной активности с выраженной жизненной и творческой позицией, субъект, выполняющий различные прагматические роли и прежде всего показывающий адресату, как делается текст, репрезентирующий при этом яркие эмоциональные реакции на прочитанное. В четвертой главе доказывается ориентированность литературно-критического эссе конца XX века на определенный образ адресата – молодого человека, который еще только начинает приобщаться к культурным ценностям, и обращение авторов к формам глубоко личностным – дневникам, мемуарам, автобиографиям, архивным свидетельствам.

Монография адресована изучающим русскую культуру, речь и литературу XX века, всем интересующимся свободными формами литературного творчества.

О. Б. Сиротинина, Н. И. Кузнецова, Е. В. Дзякович и др., *Хорошая речь* / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001, 320 с.

В коллективной монографии представлена попытка рассмотрения хорошей речи с точки зрения ее критериев. При этом для анализа выбраны лишь отдельные, в основном наименее разработанные в литературе аспекты.

Авторами определено понятие хорошей речи как речи: 1) в которой соблюдаются языковые нормы и этика общения и которая может способствовать достижению наибольшего эффекта, 2) целесообразной, успешной для адресанта и эффективной для адресата, 3) соответствующей нужной в данной ситуации разновидности литературного языка и используемой форме речи, националь-

ным традициям общения и этическим нормам поведения. В качестве одного из признаков хорошей речи рассматривается творческое своеобразие, предполагающее новизну и оригинальность речи и принципиально по-разному проявляющееся в текстах различных функциональных стилей. Кроме того, делается вывод о том, что решать, хорошая речь или плохая, нужно только учитывая ситуацию ее осуществления и распространения, поставленные говорящим цели и задачи, а также характер и свойства адресата речи.

Принцип коммуникативной целесообразности иллюстрируется подробным

анализом особенностей речи в разных сферах общения: деловой, научной, средствах массовой коммуникации и сфере повседневного общения.

Один из разделов книги (в русле активизировавшегося в последние десятилетия и перспективного направления антропоцентрического языкознания – жанроведения) посвящен рассмотрению основных аспектов теории речевых жанров. В нем дана детальная характеристика отдельных жанров, поскольку представление о хорошей речи связано и с умением использовать разнообразные жанры речевого взаимодействия, гибко применять тактики внутрижанро-

вой интеракции в ходе развития коммуникации.

В книге рассмотрены также проблемы соотношения хорошей речи и типов речевых культур, а также представлены образцы хорошей речи с подробными комментариями, показывающими, почему каждый из этих текстов можно считать хорошим для данной сферы и ситуации общения. Примечательно, что авторами подобраны не эталонные, образцовые во всех отношениях тексты, и встречающиеся нарушения критериев хорошей речи особо отмечаются в комментариях.

М. А. Ширинкина (Пермь)

Милосав Ж. Чаркић, *Појмовник риме (са примерима српске поезије)*. – Београд: Институт за српски језик сану, Бањалука: Филозофски факултет, 2001, 280 с.

Книга *Толковый словарь рифм (на материале сербской поэзии)* Милосава Чаркича, сербского стилиста, пользующегося хорошей репутацией в стране и за рубежом (особенно в международной славистике), является продолжением многолетних его научных поисков в области стихотворной речи в аспекте стилистики, а следовательно – лингвистики и литературоведения.

Толковый словарь рифм представляет собою, в сущности, *терминологический лексикон* в области рифмы. Словарные статьи, напоминающие скорее краткие очерковые описания объекта, располагаются по алфавиту. *Словарь* снабжен отсылочным аппаратом. Кроме основного корпуса, в *Словарь* включаются сначала *Вводные комментарии*, выполняющие одновременно роль теоретического введения и предисловия, тогда как в конце книги размещены *Указатель терминов* и *Условные сокращения*

и источники (как необходимый библиографический определитель к примечаниям и приводимым иллюстрациям). В самом конце книги размещается раздел *Литература*, представляющий собою интернациональный библиографический список трудов по рифме, насчитывающий свыше 600 единиц.

Основной корпус *Словаря* состоит из заглавных слов-терминов классической науки о рифме, засвидетельствованных в текстовых массивах сербской поэзии. Среди терминов имеются общеизвестные наименования, а также терминологические нововведения, вытекающие из теоретической концепции М. Чаркича. Последние (во избежание у читателя недоразумения) помечены звездочкой.

Толковый словарь рифм М. Чаркича в целом, включая соотносительную с ним теорию рифм, является системой, открытой для последующих дополнений и корректировок. Ведь автор в *Ввод-*

ных комментариях отмечает: «Публикованием первого издания автор окончательно не высказал последнего слова, а следовательно *Толковый словарь* остается открытым для всевозможных конструктивных предложений, терминологических уточнений и дополнений».

За успешно выполненную трудоемкую работу над *Толковым словарем рифм* автору воздастся. Ведь кроме уточнения собственного терминологического аппарата, М.Чаркич предоставляет читательской аудитории *совокупность* знаний о рифме как таковой,

а также о рифмах в сербской поэзии. Потому словарь этот станет полезным пособием для *всех* лингвистов-стилистов и литературоведов, пользующихся сербским языком. Более того. Автор, по всей видимости, предназначил *Словарь* еще для одной цели. Именно – служить в широких кругах славистической общест-венности призывом, направляющим творческую мысль к созданию общей, взаимосогласованной (обще)славянской системы терминов в области рифмы.

Петар Буняк (Београд)

407

Elżbieta Dąbrowska, *Teksty w ruchu. powroty baroku w polskiej poezji współczesnej*, Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2001, 372 s.
(*Texts in motion. revivals of baroque in the Polish modern poetry*)

The book offers an analytical and interpretative presentation of relationships between texts in their various systems, relations, directions and strategies of intertextual binding. Thus, the aspect of the situation of dialogue of the artistic utterance and its subjects constitutes the main theme of the considerations, around which there is developed a sphere of inquiry into, what happens within the space between the repetition (quotation, usage) and the differentiating modification, or transformation of literary-cultural codes of tradition (the motif, theme, topos, genre, style, versification, convention). It is, therefore, a demonstration of both facts of presence of 'texts in texts', literature in literature, and the functions of creating texts and meanings of such, at least, 'double-textual' relations (semantics of inter-literary and intercultural references). The discussion on the character of textual binding and conditions of the intertextual text (interpretative statements) gives a picture of the scale of presence of 'another per-

son's word' and its participation in the formal-structural-semantic composition (the degree of involvement of texts, problems of coherence, presuppositions set against the intertextuality). On the plane of intertextual unions, there become visible polyphonic properties, plays of intentions (the author, the text, the reader) and together with that – similarities and differences, that is effects of movement of texts, styles, genres and worlds (endeavours of assimilation-identity, confrontation and opposition character).

In the perspective of literatures discourse referring to the role and place of tradition in literature, there are placed baroque codes, which – in the space of modern intertextual lyric poetry – can be seen as ones of the strategies of poetic speech. Accordingly, the poetry of S. Grochowiak, J. Harasymowicz, E. Bryll, J. M. Rymkiewicz, S. Barańczak, W. Szymborska, T. Różewicz, Z. Herbert, Cz. Miłosz, A. Kamieńska and E. Stachura, respectively, is shown in various types of relations with the baroque context.

СКИА 2002

Similarly, the latest lyric poetry of the nineties (represented by K. Koehler, E. Tkaczyszyn-Dycki, T. Wencel) is also analysed from the point of its contacts with baroque tradition. The observation is extended over various forms of baroque, recurring in repetitions and quotations, which determine the content of the neo-baroque style, the latter being a combination of historical and con-

temporary styles. Its stylistic values are the result of an interaction between elements taken out another textual reality and their new, upgrading context (the effect of repetition and semantic difference). Consequently, both aesthetic and anthropological (existential) motives of reaching for texts and figures of the baroque style by contemporary poets appear to be highly significant.

408

Barbara Greszczuk, *Archetypy starotestamentowe w polskich przekładach psalmów. problemy lingwistyki stosowanej*, Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 2000, 277 s. (*Old Testament archetypes in Polish translations of the psalms. problems of applied linguistics*)

Subject of this book is the bible language investigated on the grounds of Polish translations of the Book of Psalms. Pictures created in the text, metaphors, and symbols are based on the Old Testament archetypes. They manifest in certain spaces and time interrelations between the objects creating the text world. These are linear relations, relations in a ring (circle) plan, in the perpendicular (vertical relations), in the plane (horizontal relations). The line and geometrical figures situate the man with respect to the God in a symbolical way, rendering His proximity and care. The space in the text plan is valorized in an axiological way; sharp tension being between the top and the bottom.

An important problem is the choice of the translation method, for which sometime the Hebraic text is used as the base and *Vulgate* another time. Then there are different lexical and phraseological choices, various pictures and direct meanings, e.g. notion of sin, in the same verse of a psalm corresponds to *scoff* or *plague*. Investigation of the Psalter text in the transitional media like *Septuagint* and *Vulgate* allows, at any time, to decide on the reason of semantic deviations in the Polish translations. The

Greek Psalter referred sometime to peripheral or otherwise profiled Hebraic words – a new intention of the text was born in *Septuagint*, e.g. Hebraic “days” were translated into “ways”. In order to find a common deep semantics of all the translations, a reference should be made to Hebraic etymology. Penetration of significative structure of Hebraic and Greek words and their semantic evolution many times used to resolve some incomprehensible Hebraisms (Grecisms, Latinisms) in the Polish translations.

Subjects of the investigations herein were the archetypes in the following thematic branches (domains):

1. Space
2. Time
3. Human body
4. Substance (e.g. water, mud, and their characteristics)
5. Sensorial experiences
6. Sin and its conceptualization
7. Life and its vanity

The lexicographical and textological analyses have proved, that structure of the Psalms is ingeniously coherent and the world presented therein has the structure which is consequently holistic.

Kazimierz Ożóg, *Polszczyzna przełomu xx i xix wieku. wybrane zagadnienia*, Rzeszów: Stowarzyszenia Literacko-Artystyczne "Fraza", 2001, 263 s.

The year 1989 was an important milestone in the development of the Polish language. It was the beginning of drastic changes in Polish, which seem to be the greatest in the 20th century. Solidarity's peaceful revolution triggered an avalanche of political, social, economic and cultural consequences in Poland and in Europe in general. Language, which is always a sensitive indicator of social transformations, had to designate all those alterations. Hence, it has changed itself.

The present research has focused on a number of specific topics dealing with the Polish language of the end of the 20th and the beginning of the 21st century. The empirical background of this research project encompasses vast linguistic material; in total over 20 000 contexts taken from various varieties and styles of contemporary Polish have been analyzed. This corpus adequately represents linguistic behaviour of Poles at this period of time.

A particular emphasis was placed on the relations between the language and the drastically changing reality as well as culture in the broader sense which was also undergoing transformations during that period of time. In the course of analysis the data collected 25 years ago was compared to the contemporary material. This comparison enabled me to specify changes in the linguistic etiquette and in the language spoken in rural areas.

The following general conclusions can be drawn as the result of investigation. Firstly, the Polish language of the aforementioned period is a dynamic entity because the changes originated by Solidarity revolution are still going on, whereas society has not yet completed multifarious transformations. The language tries to catch up with those

changes and symbolizes them. Secondly, the greatest impact on the Polish language have been made by exterior factors – the change of the political and economic systems, tremendous development of mass media, particularly electronic ones as well as general tendencies in the development of modern culture which came to be known as post-modernist ones. Thirdly, the greatest changes in Polish concern its lexical system and styles. The lexicon of the Polish language has increased by thousands of new lexical items designating elements of changing reality. Very often those lexical items are loan-words or arise as the result of semantic extension. Two styles – computer style and Internet style, not to mention that of advertising, have thrived. Considerable changes characterize other styles, for instance: the expansion of colloquial style, the shrinking of the literary style and strikingly new quality of political style are observable. Fourthly, political and economic transformations have drastically changed state of Polish rural areas, and consequently, the language of millions of people living in the country has undergone alterations. Traditional Polish dialects disappear under the impact of new developments in agriculture as well as the style of speaking and writing introduced through mass media.

Important changes have taken place in the linguistic consciousness of Poles. The Polish language is often treated commercially, as the language to be sold. The margin of tolerance with respect to vulgarisms and taboo has increased. Linguistic etiquette has changed; linguistic competence of Poles has decreased, since the latter more and more often patterns itself after language of mass media.

Joanna Sobczykowa, *Myśl o języku w komentarzu biblijnym ks. Jakuba Wujka*, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001, 258 s.

(*Thinking about language in the biblical commentary by rev. Jakub Wujek*)

410

The present study is devoted to the explanations concerning language and the way of speaking included in the Bible as translated and edited by the Polish Jesuit: Rev. Dr Jakub Wujek (Cracow 1599), a great biblical scholar, humanist and philologist. Wujek's biblical commentary (the so-called *Explanation of the More Difficult Passages*) is perceived as a polemical statement of an exegetic and theological nature the purpose of which was an apology of the Catholic faith at the time of the Reformation. It certainly deserves the attention of historians of culture, biblical scholars, linguists, and representatives of other academic disciplines in Poland. In his venture to translate and explain the biblical text for the benefit of the Polish Christian reader of the time, Wujek referred often to the original languages of the Scriptures, i.e. Hebrew and Greek, to show the distinct features of the language and culture (including the literary form) that typified the people living in a very different historical and geographical context. As a result, he gives us a scholarly commentary that introduces some order in the world of biblical notions. This commentary is arranged in separate paragraphs placed below the biblical, that is artistic, text that abounds in often unclear and ambiguous signs and their combinations, but still is an important source of the Church's doctrine and rite. The commentator is not only interested in theological notions and ideas, but also in many factual details and their names, in objects typical of the alien culture and natural world, and in the parametric indices, which are the factors that form the literal sense of the text.

The author is looking in these exegetic and theological explanations for some think-

ing about language, and she examines the commentator's statements and *analytic* procedures. Wujek's efforts to expose the sense hidden in the text's cognitive (grammatical and lexical) structures, his analysis and interpretation of the biblical passages in the literal and more sublime sense, serve, to a large extent, his purpose to confirm a specific theological and confessional stance, but there are, nevertheless, many precious observations concerning language and many instances of nonreligious thinking, e.g. the remarks on woman's being called *mężyna* (Gen 2,23), or on the term *alabastr* (Lk 7,37) being an ambiguous name of an object belonging to the material culture of the Bible.

While reading these 16th c. Biblical and theological considerations from the point of view of a modern linguist, we may discover that many perspicacious remarks made by the biblical philologist in question concern the same problems and phenomena that also modern linguists find interesting. Here we should mention first of all semantics, i.e. the analysis of the meaning of particular biblical terms and of the corresponding theological terms, both on the level of the literal, and the higher, senses, which often the author of the commentary to define various notions with the help of a simpler language, and to emphasize important relations. The definitions concern either the terms unknown to the reader or such that are known well enough but require some additional information. Here belong numerous proper names the etymology of which is beyond the scope of the author's interests, and common names important for the biblical terminology, as well as the terms

denoting values. The commentator is aware of the fact that words, or, more generally, the linguistic categories, with their various senses, conceal important notions in themselves in which people's culturally conditioned mentality manifests itself. He is interested therefore in the conceptual structure of language, and tries to grasp the processes of verbal conceptualisation, and to show the linguistic image of the world. In his reflections, he takes frequently into consideration the observer's point of view, the temporal and spatial perspective, the choice of concepts and fine distinctions between them, and he also concretises general notions. Wujek describes the polysemic nature of various terms, their identical or contrasted senses, he carries out a contextual identification of senses, describes various logical operations, which he lays a particular stress on when describing, the particular features of the biblical text (the so called *biblistism*). He often uses the structural criterion of identifying linguistic expressions, pointing out to analogous constructions, and he distinguishes between the literal and the metaphorical sense, being fully aware of the cultural conditioning of metaphors and of linguistic and cultural stereotypes. The analyses and interpretations of that 16th c. translator and commentator of the Bible contain a semiotic perspective: he is interested in the semiotic structure of the reality and of behaviours, and he pays his attention to the stylistic diversification, he has the sense of the importance of linguistic habits, and is able to indicate the senses of words that feel genetically foreign in Polish, as well as their constructions that are the heritage of the biblical authors' language, just as well as distinguish the linguistic and constructional properties of the Bible reflected in his translation. Wujek is also well aware of the difference between the direct and

indirect speech, and he draws the readers attention to statements charged with irony. We can observe also that he concentrates on the pragmatics of speech, considers various speech acts, focuses on the linguistic means to express the speakers' attitude, to signal relations, to adhere to the principles of conversation. There is no doubt that he was conscious of the phenomenon of acting by means of language and of the functions of language, e.g. he deals with cumulative function, as regards the oral evangelical traditions, the socialising function (integrating and universalising), and with the solemnising (hieratic) function of Latin as a liturgical language. In his description of the acts of speech, he underlines the importance of the communicational intention, of the effects of communication (particularly in the communication taking place between God and man), and of the ethics of speaking. Our biblical philologist is also a keen observer of the system of word-formation, he brings out motivational relations, traces their connection with the extra-linguistic reality, making word-formation into an instrument of convincing and arguing, he can even grasp the mechanism of a term's derivation from a literal abbreviation. Besides, he is sensitive to a given type of word-formation, and to the typical character of a given syntactic structure.

While making reference to the authority of the scholars of the Christian West and East, to Jewish scholars, and the humanists, both ancient and modern. J. Wujek, just as other humanists of the period of Reformation and Renaissance, served theology with his immense philological, philosophical, and rhetorical knowledge. He also carried out a monumental linguistic task: he analysed and described language, thus confirming the fact that the Scriptures always inspired thinking persons to an intellectual reflection.

Elżbieta Umińska-Tytoń, *Słownictwo polszczyzny potocznej XIX wieku*, Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2001, 213 s.

412

Książka uzupełnia lukę w wiedzy o zróżnicowaniu stylowym i socjalnym XIX-wiecznej polszczyzny. Przedmiotem opisu jest codzienna, prywatna polszczyzna przeciętnego, kulturalnego użytkownika języka polskiego w drugiej połowie XIX wieku. Źródła do badań stanowiły pamiętniki ludzi przeciętnych, nie uprawiających pisarstwa zawodowo, lecz piszących jedynie dla swej pamięci lub najbliższej rodziny, bez zamiaru publikacji. Autorzy pamiętników reprezentują różne środowiska, odmienny poziom wykształcenia i zasób doświadczenia życiowego. Ich zapiski stanowią materiał dobrze zlokalizowany geograficznie i społecznie, osadzony w konkretnej sytuacji komunikacyjnej, ukazują żywy język, umożliwiając ocenę wartości stylistycznej użytych form.

Praca omawia zasób leksykalny zawarty w pamiętnikach. Badaczka koncentruje uwagę na tych warstwach słownictwa, które

oddają specyfikę polszczyzny potocznej XIX. W pierwszych dwóch rozdziałach prezentuje słownictwo rodzime i obce, nienacechowane (powszechne, niepowszechne i archaizmy) oraz nacechowane (kolokwializmy, regionalizmy i okazjonalizmy). Następnie autorka przeprowadza charakterystykę funkcjonalną i semantyczną słownictwa pamiętników. Osobny rozdział poświęca poradnikom językowym tamtego okresu, by zrekonstruować ówczesną świadomość językową. *Uwagi końcowe* przynoszą interesujące odpowiedzi na dwa podstawowe w pracy pytania:

1. Czy można mówić o specyfice leksyki pamiętników XIX-wiecznych w stosunku do ówczesnej polszczyzny ogólnej, standardowej i co ewentualnie o niej stanowi?

2. W czym tkwi odmienność leksyki potocznej sprzed wieku w stosunku do polszczyzny kolokwialnej końca XX wieku?

Aleksander Wilkoń, *Z dziejów języka i literatury polskiej*, Katowice: Wydawnictwo Naukowe „Śląsk”, 2001, 210 s.

Książkę zaczyna rozprawa o średniowiecznym wierszu maryjnym nawiązująca wyraźnie do prac podjętych przez znakomitą znawczynię poezji średniowiecznej, profesor Ewę Ostrowską. Następnie czytelnik otrzymuje cykl artykułów dotyczących stylów literatury barokowej. W części drugiej tomu autor zajmuje się literaturą XIX w.

(polszczyzną dzieł Mickiewicza, Słowackiego, Sienkiewicza i Żeromskiego). Część trzecią poświęca wiekowi XX – właściwościom stylistyczno-językowym śląskiej baśni magicznej, prozy Kawalca, poezji Kamińskiej oraz poezji i prozy Piętaka. Dwa ostatnie rozdziały tej części prezentują poglądy Nitscha i Wyki na temat języka artystycznego.

Bogusław Wyderka, *Przedziwny wszędzie. o stylu mikołaja sępa szarzyńskiego na tle tendencji stylistycznych poezji polskiego renesansu*, Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2002, 251 s.

(Most odd in every respect. on the style of mikołaj sęp szarzyński against the background of the stylistic tendencies of the polish renaissance)

The poetry created by Mikołaj Sęp Szarzyński is included among the most outstanding literary works of the Polish Renaissance. The poetic world of Sęp Szarzyński, richly invested with metaphysical and religious elements, is exceptionally tightly linked to the linguistic side of his poems. Therefore, it is impossible to separate any analysis of the content and ideological interpretation of this poetry from analyses of the language and style contained in it. The properties of the poet's style were determined on the basis of an analysis of phenomena and functions within intra-textual relations, as well as on the basis of a comparative analysis. Regarding the latter, poetic works by Jan Kochanowski and Jan Smolik, and also ones created slightly later by the poets such as Szymon Szymonowicz, Sebastian Grabowiecki, Jan Andrzej Morsztyn and Kasper Twardowski, were used here as a plane of reference. The analytical analysis allowed to precisely delineate individual features of Sęp Szarzyński's style and to determine the phenomena he held in common with the poetic style of the epoch (certain occurrences of modulation of the verse-syntactic train, preference for similar forms of enjambment, hypotactic and rhetorical character of the syntax, predilections towards certain types of inversion, repertoires of stylistic figures characteristic of Renaissance, etc.). It was also possible to grasp the bonds which link the texts created by Sęp Szarzyński with works by J. Smolik. I interpreted these phenomena as a manifestation of the new late-Renaissance poetic style, showing preference for disharmonic text systems.

The basic principles which govern the style of Sęp Szarzyński are the following: the principle of harmonised ideological sphere of the works with means of expression; the principle of condensed form, that is the minimal amount of form to secure maximum information; the phenomenon of persuasion and activating the receiver. Operation of these principles is evident in the layer of text architectonics (creation of the speaking subject and addressee, structuralisation of the textual space), in the versification and syntactical construction of works.

For the sake of the history of Polish literature and stylistics, it is also important to discuss the canon of Sęp Szarzyński's works. The erotic poems attributed to the poet (the ones preserved in the codex of the Zamoyski's Library) were written in the convention which stands in contrast with the stylistic form of the texts in the first edition. Thus, from the very beginning, proofs were looked for to either confirm or reject the thesis as to Sęp Szarzyński's authorship of the songs. A very detailed comparative analysis of phenomena related to the composition, versification and syntactic-stylistic character of the poems by Sęp Szarzyński revealed a stylistic individuality of the poets' canon of works, differing from the one in the love songs contained in the Zamoyski's codex. The hypothesis which attributes the authorship of the erotics to Sęp Szarzyński should be thus rejected.

Marzena Mukachowska (Opole)

413

 2002